Часть 3. Путём неизведанным

Глава I

В плотной пелене вулканического пепла, в разрушительных атаках океанических волн, среди всполохов выплёскивающегося из земной утробы смертоносного жара, жуткого завывания ветра и треска обваливающихся камней, творился будущий облик земли. Когда наступила тишина, земная поверхность представляла собой подобие взлохмаченной головы долго и азартно кувыркавшегося на сеновале ребёнка, в спутавшихся кудрях которого пёстрым букетом торчали цветочки, соломинки, травинки, былинки, с массой невесть как оказавшихся там листиков и соринок. Действительные последствия разгула стихий не обнаруживали ни описанной красоты, ни литературной романтики – миновали столетия, прежде чем Земля смогла прийти в себя после буйства природы, сломавшего судьбы доверившихся ей существ и до неузнаваемости изменившего её саму.

В жизни Земли бывали разные периоды, и каждому соответствовали свой стиль и фасон, тщательно подобранные с учётом сезонности, настроения, имеющихся материалов, и ни разу она не позволила себе повториться, а сколько примерила и сносила нарядов, какие они у неё были и как долго носились, не считал никто – в спокойные часы стили и наряды никого не интересовали, а попавшие в период переодевания думали не о них.

Как и любой живой организм, Земля находится в постоянном движении. Если бы кто-то пожелал в этом убедиться воочию и сумел ускорить время, после чего взмыл бы высоко вверх и оттуда посмотрел вниз, он бы увидел, что её поверхность, словно огромное игровое пространство, подчиняется воле невидимых игроков, ведущих непостижимую внешнему наблюдателю игру, весьма искусно перемещающих, изменяющих, перераспределяющих и перегруппировывающих материки и острова, вздымающих равнины, опускающих горы, меняющих местами воду с сушей; он бы увидел чудесное и непонятное действо и, возможно, удивился бы сопутствующим ему сумбуру и случайности, но, вместе с тем, убедился бы, что игроки неуклонно следуют к известной

им, но скрытой от него, цели. Для земного населения эти движения всегда незаметны – слишком растянуты во времени, но, иногда, крайне редко, они проявляются в своей непосредственной мощи и становятся для живых существ ужасом последних мгновений – их концом, которому предшествует более или менее долгая борьба за жизнь. Затем наступают часы, заставляющие выживших крепко задуматься, кто выиграл, спасшиеся или погибшие. В таком состоянии оказались люди после разгула стихий, уничтоживших Атлантиду как материк, разорвавших её тело на несколько крупных островов, изрядное количество небольших и множество совсем мелких.

Времена великих преобразований установлены заранее и прописаны в летописях. Умеющий их прочесть знает все даты, недоступные несведущим – последних стихия неизменно застаёт врасплох, что и произошло с пастухами и науршами. Земли с народами, обитавшими до горной цепи, исчезли под водой. Мгуртал, жаждавший истребить давших ему жизнь, был бы очень разочарован, если б узнал, что незадолго до его прихода в деревню последний хранитель преданий Мдарахара отобрал молодые семьи, приказал им захватить самое необходимое и уходить за горы. На этом история науршей, растворившихся в принявшем их народе, заканчивается, но не заканчивается, а только начинается история созданных Мгурталом тлаватлей, отличившихся талантом к проращиванию самости или эгоистического начала, способствующего развитию многих прекрасных человеческих качеств, а также, прививающего отвратительнейшие пороки.

Юность, едва её наделяют свободой, позволяют действовать самостоятельно, мнит себя взрослой, становится упрямой и пытается всё решать сама, но часто ошибается – она неопытна, импульсивна, буйна, своенравна, категорична и твёрдо уверенна в собственной правоте. Оставшись без присмотра старших, она часто пускается во все тяжкие, рассчитывая единственно на удачу, не задумываясь о грядущем, а когда ей указывают на ошибки, отмахивается: «У меня нет времени размышлять и опасаться – это задача стариков. Я спешу жить! Зачем мне думать о будущем? Пусть оно само распоряжается и расставляет на свои места, сводит и разводит что нужно и где нужно, а я, когда придёт пора, посмотрю, определюсь и сделаю правильно, руководствуясь наступившими условиями.» Со свойственной ей самоуверенностью она насмехается над предостережениями рассудительных взрослых –

она смеётся над их, как ей кажется, старческой отсталостью, излишней боязливостью, неумеренной осторожностью, постоянными оглядками на свой опыт, сетует на искусственно установленные препятствия, не дающие развернуться её смелости, испытать молодецкую удаль, проверить бесстрашие, применить безграничные силы. Случается, у неё такая возможность возникает, и тогда действительность заставляет её разочаровываться, что происходит намного чаще, чем она могла бы предположить, обнажая нелицеприятные факты, указывая на непростительную опрометчивость и беспочвенную самонадеянность.

Начинающее самостоятельную жизнь человечество поступало далеко не лучшим образом. Детство оно провело под пристальным надзором взрослых, направляющих неуверенно ступающего младенца по заранее подготовленной тропе, предупреждающих об опасностях, оберегающих от необдуманных поступков. Предполагалось вести его и дальше, постепенно увеличивая свободу мышления и приглядывая за последствиями, но случилось непредвиденное – между ними вторглись чуждые обеим сторонам силы. В сферу человека вошли существа, действующие по собственному умыслу, решающие свои задачи, преследующие свои цели и умело влияющие на незрелый разум. Вклинившись между ведущим и ведомым, они оттеснили первого, завладели вниманием второго, и знали, что делали, начиная беседу с вопроса: «Почему ты постоянно переспрашиваешь и уточняешь? Зачем тебе глаза? Не для того ли, чтобы смотреть, куда тебя ведут?» Человек удивился любопытству неизвестных, но ответил: «Глаза мне даны, чтобы видеть, куда я иду, а переспрашиваю я, чтобы убедиться, правильно ли иду. Недостаточно просто видеть, необходимо ещё и знать!» Услышав ожидаемый ответ, неизвестные предложили: «А зачем тебе это? Ты – умный! Можешь обрести свободу и идти сам, не уточняя и не спрашивая разрешения на следующий шаг. Не бойся, положись на нас. Мы пришли ради тебя и хотим помочь! Представь: ходишь, куда хочешь, делаешь, что вздумается, ничего не просишь, не боишься ошибиться, становишься смелым, приобретаешь уверенность, и это – далеко не полный перечень перспектив. Решайся! Честное слово, не пожалеешь!» Подтверждая слова, вспыхнули соблазнительные образы желанных приманок, очаровали и обворожили неокрепшее создание восхитительной картиной – от поводыря оно не слышало ничего подобного! Его, бесправного невольника, приласкали, ему предоставили право выбора – остаться на поводке

или предпочесть независимость. Он был не в состоянии размышлять. Если тебе предлагают протянуть руку и взять желанную вещицу, которую – может быть – дадут через много-много лет, а хочется получить её как можно быстрее, нет оснований отказываться – от такого не отказываются! Тогда произошло то, что позже назовут эмансипацией – первое в истории досрочное наделение правами, освобождение подросшего ребёнка от обязанности слушаться старших. Поводырь не препятствовал. Отпустил в самостоятельное путешествие, разрешив действовать как ему заблагорассудится.

Не готовый к свободе подросток оказался один на один с набирающими силу чертами собственного характера – жадностью, ненасытностью, необузданностью, свирепостью, жестокостью, нахрапистостью и прочими ярко выраженными свойствами голодного животного. Им противостояли неопытность, непоседливость, несдержанность, торопливость и другие недостатки слаборазвитого разумного существа. О чём он думал, пускаясь в дальнее странствие по дороге жизни? Он не знал ни о своём положении, ни о состоянии, и вообще не думал о странствии, но решал единственно важную для себя задачу – выживания.

Времена были трудные. Катастрофа до неузнаваемости изменила материк, оставив несколько островов. Не меньше поменялись и люди. Новые условия существования потребовали от них других качеств и способностей, тут-то и нашлось применение новоявленным чертам характера. Ушли в прошлое понятия дружелюбия, доброты, взаимопомощи – те, кто продолжал их проповедовать, сгинули первыми, сокрушённые палицами сражающихся за жизнь. Лидерство захватили воинственность и готовность убивать

Условия, в которых оказались народы, не оставляли им выбора – сражаться приходилось не только за нетронутые, но и за искалеченные стихией части суши, завоёвывая, порабощая или уничтожая друг друга.

В процессе дележа территорий образовывались отдельные отряды воинов, руководимые избираемым между собой вождём – бесстрашным, смелым, сильным, умеющим воевать, занимающимся только войной. Вскоре такие отряды стали необходимым условием для выживания, они были в каждом городище, иногда даже в деревенской общине. Структура общества также быстро менялась. Старая система общественного распределения уже не устраивала атлантов, от общины отделялись богатеющие, набирающие силу семьи. Главой племени выбирался

вождь – воин, отвечающий за порядок и охрану имущества, знающий, ценящий и поклоняющийся лишь языку силы. Жрецы по-прежнему влияли и на народ, и на вождей, склоняющих головы перед их знаниями и дружескими отношениями с Богом. Зачастую именно им принадлежало решающее слово в вопросе войны и, тем более, мира – их поддержки искали все.

Первое размежевание человека с человеком произошло вследствие отделения пастухов – физически сильных, выносливых, не отличавшихся умственным развитием атлантов, беспрекословно следующих указаниям и воле родовых старейшин. Когда в человека вошло понимание собственного существа, оно разделило людей на две группы и породило конфликты. Руководимые эгоистическим началом, стремящиеся к личной свободе пастухи покинули родные жилища и ушли на поиски обширных полей. Разделение позволило им смотреть на землепашцев как на добычу и совершать набеги, принуждая последних осваивать искусство обороны. Для отпора от преобладающего численностью врага поселения землепашцев объединялись и укрупнялись, что привело к возникновению городов.

Люди прониклись духом времени и коренным образом пересмотрели свои взгляды. Лишившимся пищи и крова народам ничего не оставалось, как собрать остатки пожитков, сняться со ставшего непригодными для проживания места и отправиться на поиски свободного пространства и лучшей судьбы, но, как правило, вместо новой родины, они встречали стоящих на страже своего покоя и свободы хорошо подготовленных ратников. Если некуда возвращаться, если позади верная смерть, а за стеной вооружённых людей – вероятное продолжение жизни, требуется одно – крепко сжать в руках палицу, рогатину, копьё, топор, и пробить к ней путь. Завершив коротенькую подготовку к бою, сотни и тысячи вооружённых людей яростно несутся на не уступающего им ни в силе, ни в злости, ни в решительности, бегущего навстречу противника, жаждущего жить и уничтожать не меньше их. Встретившись, они бьют недруга дубинами и топорами, протыкают рогатинами и копьями, разрывают руками, кусают, душат, топчут ногами. В общем шуме баталии смешиваются вопли и брань, проклятия и призывы к Богу, крики и стоны, стук камней, хруст костей и дерева, топот ног и глухие звуки от падающих тел. В пылу борьбы выворачиваются суставы, лопается кожа, рвутся от напряжения мышцы и сухожилия, реками льётся кровь,

плоть падает на плоть, теперь ей совершенно безразлично, кто под ней лежит, а кто на неё валится, враг или соплеменник. Битва постепенно нагромождает кучи людей, ещё утром здоровых, бодрых, наполненных жизнью – они лежат без движения, тесно прижавшись друг к другу, уже ничего не делят, никуда не спешит, ни на кого не гневаются, ничего не ищут, не требуют и не желают. Они прошли свой путь до конца.

Спокойная жизнь канула в лету. Население земли пришло в движение. Ты остался на своей территории? Учись обороняться – твой дом нуждается в защите! Ты лишился крова и вышел на поиски счастья? Тогда умей побеждать или умрёшь от вражеской палицы либо неумолимого голода! Безоружный обречён на погибель – народы осваивают искусство убивать. За короткий период времени сражающиеся за клок желанной суши истребили не один десяток тысяч иноплеменников. Буйно расцвели грабежи. Вначале как средство для выживания, потом – как проверенный способ быстрого обогащения. Настали пора диких войн, мелочных кровавых распрей, кратковременных ненадёжных перемирий, вероломства и самоотверженного труда. Люди преодолевали трудный переход от наивно-общинного типа совместного хозяйства и равного распределения результатов труда к эгоистически-индивидуальному, сосредоточившему собственность в руках нескольких семейств во главе с одним гегемоном-распорядителем. Завоевания, захват и порабощение мелких общин, объединение их под крылом сильнейшей, собравшей больше ратных людей, подчиняющихся захватившему общее имущество и правившему с оглядкой на жреческое сословие властителю, привели к созданию королевств. Народ приходил, побеждал, возвышался, расширял свои территории, истреблял соседей, правил до появления более сильного соперника, терпел поражение и уступал место победителю, но и его сменял следующий, а вскорости и сам он исчезал в лабиринте истории, сметённый мощными волнами пришельцев – преимущественно диких, слаборазвитых, перенимающих обычаи и культуру завоёванных народов.

В упорной борьбе протекали тысячелетия. Неугомонные стихии не успокоивались, но продолжали губительную работу, планомерно уничтожая острова один за другим, и однажды настал день, когда от древней Атлантиды остался всего один большой остров, обрамлённый россыпью мелких островков, некогда бывших горными вершинами и возвышенностями зелёного материка. На нём по-прежнему обитал

человек, приспосабливаясь к изменяющимся условиям жизни и меняясь сам. Часы неистовых, непрекращающихся сражений и переделов остались позади, народы остепенились, начали обустраиваться и учиться ладить с соседями. Возникли новые формы организации общества и места массового скопления людей, первые назвали государствами, вторые – городами. Развивались и усовершенствовались появившиеся ремёсла, искали и находили новые способы обработки материалов. В круговороте событий рождались, расцветали и увядали народы, одни оставляли после себя величественные наследия, другие – руины, боль и проклятия.

Время воздействует на человека, как вода на берег океана: волна накатывает, ненадолго скрывает под собой то, что было до неё, и возвращается обратно, за ней следует вторая, третья, четвёртая, и все они проходят один и тот же путь и выполняют одну и ту же работу. После любой из них скрываемая волнами часть берега временно становится доступной, показывая произведённые водой перемены, и покрывается следующей, сменяющей предшественницу. Беглому взгляду эти изменения покажутся несущественными, однако, при детальном рассмотрении, выясняется, что каждая волна приливает на берег, несколько отличный от того, что встречал предыдущую, преобразовывает его и передаёт наследнице. Их работа незаметна и не принимается во внимание – прежде, чем берег примет другой вид, его посетит бессчётное количество волн, тем не менее, каждая из них вкладывает в общее дело свою лепту, а совместный труд многих творит большие перемены. То же происходит и с человеком: прилив обозначает культурный подъём, расцвет, отлив – часы упадка, запустения, духовного и морального обнищания. С тех, давних, пор и по настоящее время поступательное движение вперёд подчиняется строгому закону ритма, подстраивается под него, воспринимает или отвергает получаемые от него стимулы и, в зависимости от способностей, вырастает и даёт бытие другим либо увядает и освобождает жизненное пространство более одарённым. Совокупность вкладов единичных движений и целых культурных периодов – вне зависимости от их результатов – обогащает человека и является обязательной и необходимой составляющей его взросления.

Глава II

В один из дней накануне сезона дождей на юго-востоке океана появилось множество огромных плотов. Наблюдательные островитяне заметили их ещё на линии горизонта и гадали, кто это и куда направляется, а когда плоты причалили к ним и из них высыпали толпы огромных чёрных измождённых, измученных жаждой и голодом людей, пришли в ужас. Нежданные гости устрашали местное население не только своим видом и количеством, но, ещё больше – дикостью поведения, напоминающего повадки животного. Они сразу же бросились на поиски пищи, залезали в сушилки для рыбы, шарили по деревянным корытам, заползали в маленькие утлые тростниковые хижины и, не обращая внимания на хозяев, с быстротой тайфуна сметали съестные припасы, а насытившись, падали, кто куда, и засыпали. В постигшем островитян несчастье было одно-единственное утешение – их не тронули.

Маленькие южные островки, расположенные ниже Большого острова Атлантиды, населяли выходцы из древней земли, приплывшие сюда ещё до катастрофы и прижившиеся на материке потомки расы лемуров. Они слились с местным населением, переняли их культуру, обычаи, язык, при этом сохранили немало родных слов, которые помогли им найти взаимопонимание с гостями и, нежданно-негаданно, оградили от повальных грабежей, возможно, даже истребления – схожесть языков подтверждала общность корней обоих народов, а к сородичам большие люди относились доброжелательно.

Первая ночь с пришельцами стала для островитян, просидевших до рассвета в кустах возле деревни, долгой и страшной, а утро – сначала опасным, а потом – одним из самых счастливых в истории народа. Большие люди проснулись, наелись, принялись обследовать остров, нашли прячущихся возле деревни туземцев, вытащили из кустов, выяснили происхождение и обрадовались, обнаружив общие с ними корни.

Пришлый народ называл себя рмоагалами, а своих предков – лемурами. Рассказывая островитянам о пережитых ими злоключениях, рмоагалы вздрагивали всем телом: «У нас была многолюдная, цветущая, утопающая в зелени садов, страна. На её роскошных полях паслись бесчисленные стада животных, реки кишели рыбой, а леса – зверьём.

Мы собирали фрукты, охотились на животных и не знали горя. Жизнь изменилась за одну ночь! Вечером затряслась земля, а утром пришла большая вода. Она сносила на своём пути всё подряд, огромные валуны ползли как черепахи, а тяжеленные камни кувыркались словно шаловливые дети. На следующий день большая вода ушла, но поля на много дней пути вглубь материка превратились в болота. Надежда, что земля высохнет, не оправдалась. Срочно нужно было что-то предпринимать, промедление грозило голодной смертью. Мы знали, что к северо-западу от нас лежит прекрасный остров – предание говорит: «Прародительница Лемурия жила на земле с ветхих времён. С утра и до вечера она радовались жизни, а горя не знала, и так продолжалось века. Однако настал час и Лемурия затосковала, её не радовали ни источающие аромат цветы, ни сладкоголосые птицы, ни убаюкивающий шелест деревьев, ей захотелось чего-то, что каждый из них имел, но – при всём своём желании, – не мог дать ей. Тогда она пришла к Богу и сказала: «Всякий производит потомство, и люди, и звери, и птицы, и травы, лишь Лемурия остаётся одна. Нет больше мне на земле отрады, – а Бог ей ответил. – Не печалься, не грусти преждевременно и не удивляйся. Твои слова принесли мне хорошую весть, и я открою тебе, что ты никогда не была одна, а тоска изъедает тебя потому, что пришла пора произвести на свет долгожданное дитя.» Вскоре после этой беседы Лемурия родила прекрасную Атлантиду, вырастила её и поселила на Западе, выделив часть своих земель. Однажды, спускаясь с крутого холма, Атлантида споткнулась, покатилась вниз и переломала себе руки и ноги. Лемурия ухаживала за ней, не отходя ни на шаг, и всё же, сломанные части срастались очень плохо. Так она и осталась маленькой, сохранив от прежней Атлантиды лишь лик – прекрасный, как и раньше.» Король помнил это предание и думал об Атлантиде. Желая узнать мнение вождей и жрецов, он созвал совет и выслушал всех, кто хотел высказаться. Большинство из собравшихся говорили: «Здесь нам не выжить, высокие северные горы не преодолеть, остаётся один путь – по воде к соседям», – совет единодушно решил плыть на запад. Мы построили плоты и двинулись вдоль берега, надеясь, что океан сам вынесет нас на нужное место. Шли дни, но ничего не менялось. По правую руку от нас лежал изувеченный материк, по левую простирался бескрайний океан. Мы плыли, утратив счёт времени, терпя лишения, борясь с океаном, усталостью, болезнями, ежедневно теряя десятки, а может и сотни

соплеменников, не выдержавших изнурительного путешествия. Однажды утром берег материка исчез совсем и нас окружили волны. Целых пять дней мы мучились от страха, а на шестой показалась земля.»

Островитяне слушали ужасную историю потерявшего родину народа, вспоминали собственную и ёжились от страха – им очень не хотелось оказаться в таком же положении и испытать то же, что испытали чёрные люди.

Рмоагалы рвались на Большой остров, но им препятствовали ливни – сезон дождей заливал землю водой. Вынужденно бездействуя, они налегали на запасы гостеприимных сородичей, а те приходили в отчаяние от скорости, с какой исчезает еда. Чтобы побыстрей спровадить прожорливых гостей, туземцы стали рассказывать им о легендарной столице толтеков, Городе Солнца. Они расписывали невероятную высоту неприступных стен и массивных башен, удивляли красотой храмов, дворцов, невиданных рмоагалами фонтанов, восхваляли плодородие обширных полей и садов, а особенно часто упоминали об обилии пищи, ввозимой в город со всех концов острова, и о хранящихся в нём несметных богатствах.

Старания увенчались успехом. Желание гостей насладиться величием славного города росло от рассказа к рассказу. Наслушавшись захватывающих дух описаний, чёрные люди едва не сгорали от нетерпения поскорее попасть в расхваливаемый город и сетовали на непрекращающиеся дожди. Заинтересованные повествователи видели их горящие глаза и приукрашали полученные из третьих уст сведения, не стесняясь ни слов, ни выражений – наполняли город несуществующими зданиями, прибавляли удивительные детали, выдумывали поразительные случаи, обстоятельства, и зачастую делали это даже не от намерения ввести слушателей в заблуждение, но от твёрдой уверенности, что так было и есть в действительности, от глубокого чувства собственного изумления, когда-то услышавшего что-то похожее, нарисовавшего в своём воображении чудесную картину и облёкшего её в краски, которые никак не могут быть менее восхитительны, нежели запечатлела их память.

Развитие пришлых людей отставало от развития населения Большого острова, а их внутреннее устройство представляло собой совокупность разнородных племён, формально объединённых под началом одного короля. Племена жили отдельно и управлялись независимыми вождями. Несколько дней в году они собирались на общих праздниках

в самом многочисленном королевском племени, поклонялись общему Богу и чтили одного общего предка, Лемура. Королём рмоагалов был старый осторожный и медлительный Шуадаз, привыкший по любому вопросу советоваться с жрецами – нужно отдать им должное, чаще всего они оказывались правы. Заслуженный авторитет, собственный опыт, предусмотрительность и веками накопленная мудрость помогали Шуадазу благоразумно управлять народами и держать на коротком поводке вождей, с вожделением посматривающих на престол престарелого короля. Закон, провозглашающий равенство племён, формально не предусматривал перехода высшей власти по наследству. Согласно постановления первого межобщинного совета, королевский престол надлежало передавать тому из вождей, кто своей силой, активностью, опытом, энергией и мудрым управлением доказал право именоваться королём. Так было до воцарения шуадазового деда. Большой хитрец и искусный крючкотворец, он задумал привести к власти своего сына и нашёл способ исполнить замысел, не нарушив ни одного требования закона – впервые применив удобную практику, позволяющую видеть талантливого потомка короля единственным, достойным именоваться верховным правителем рмоагалов. Отец Шуадаза также последовал его примеру, обеспечив беспрепятственную передачу власти последнему, однако сам Шуадаз не обнаруживал их устремлений, тем самым обнадёживая вождей на восстановление закона и права участия в борьбе за престол. У Шуадаза было десять детей, но никто из них не мог сравниться со старшим сыном, Урутланом, молодым вождём королевского племени, фаворитом воинов и народа, физически сильным, агрессивным, напористым, энергичным обладателем жизненно необходимых качеств предводителя, особеннно важных в труднейшие периоды становления, один из которых наступил с потерей родины.

Крепкого телосложения, огромного роста – больше, чем на голову выше атлантов, но наивного мировоззрения люди искали место для жизни. До своего прибытия на остров о здешних краях, кроме факта их существования, они ничего не знали. Туземцы помогли им определиться с целью – зажгли желание завладеть Городом Солнца или, как его называли толтеки, Сулшуном, но для успешных действий на незнакомых землях мало желания и силы, нужны надёжные, хорошо знающие местность проводники и достоверные сведения о лежащих на пути завоевателей землях, племенах и странах, нужны данные о

населяющих остров народах, их нравах, привычках, военной мощи и способах сражения.

Шуадаз прекрасно понимал, что важную информацию нужно брать не у случайных рассказчиков, а из надёжного источника, и позвал на совет рмоагалов вождей островитян. Когда все собрались, он попросил их рассказать, что за люди населяют Большой остров и какими силами обладают.

Первым вызвался вождь, принёсший с собой огромную акулью шкуру, формой напоминающую широкий лист исполинского дерева. Расстелив её перед Шуадазом, он сказал:

– Этот кусок кожи изготовил мой дед. До того, как стать жрецом, он прошёл Большой остров вдоль и поперёк и, чтобы сохранить знания, взял кожу акулы, вырезал из него форму острова и нанёс на неё известные ему города, страны и народы. Когда я был юношей, дед обучил меня всему, что знал сам, а знал он больше остальных, встретившихся мне в течение жизни. Я расскажу королю пришлых людей, что услышали мои уши и запомнила моя память. Лежащая на земле кожа соответствует форме Большого острова, я положил её так, как его расположил Бог и стихии. Мы находимся здесь, – он указал рукой на пядь ниже кожи, – и отсюда будем на него смотреть. На юге, с нашей стороны острова, живёт воинственный народ кочевников-тлаватлей. У них воюют не только мужчины, но и женщины, часто дерущиеся свирепее своих мужей и братьев, известных выносливостью и беспощадностью к врагу. Значит, кочевники занимают ближнюю к нам южную часть острова, дальше лежит страна их оседлых соплеменников, государство Трилатлан. На его престоле, в столице Скалистый Тлаватль, сидит молодой потомок славной королевской ветви, благочестивый Вардлар. Несмотря на молодость и незначительный срок царствования – всего пять лет, он успел показать себя справедливым и рачительным правителем. Сородичи кочевников превратили ранее пустынные места в цветущий оазис, они успешны в обустройстве жизни и воинственны, когда встают на защиту владений. К востоку от него приютилось малочисленное племя попечителей духов, прославившееся тем, что заставило позорно бежать даже могущественного Тлавитара. Дело было совсем недавно – не прошло и десяти лет. Император толтеков захотел отличиться и вздумал завоевать их земли. Погоня за властью над всем островом заставила его пренебречь предупреждением Бога и забыть предания предков. Нужно

сказать, земли попечителей духов в основном лесистые, а леса густые, труднопроходимые и населены опасным зверьём. Возглавивший войско император прочесал их владения из конца в конец, но не встретил ни народа, ни сопротивления. В поисках попечителей духов он нашёл и сжёг дотла несколько пустующих селений, посчитал задачу выполненной, триумфально вернулся в Сулшун и громогласно объявил о присоединении земель, а для закрепления достигнутого, приведения в повиновение завоёванных территорий и усмирения бунтов, оставил там треть войска. И чем закончилась его авантюра? Меньше, чем через полгода их жалкие остатки примчались обратно – пришла от силы половина оставленного контингента. Говорят, воины выглядели жалко: безоружные, испуганные, задёрганные, ободранные, они стыдливо трусили по столице, поражая горожан многочисленными глубокими кровоточащими и гноящимися рваными ранами, похожими на следы от когтей и зубов, очевидцы утверждают, что немало было и с откушенными руками и ногами. Беглецы рассказывали самые невероятные истории. Неизвестно, что из этого было правдой, но Тлавитар распустил их по домам, за неспособностью нести службу, и призвал новобранцев. Попечителей духов боятся не зря, дед не раз говорил: «Никогда не иди против этого народа – он первый, с кем следует поддерживать дружественные отношения.» Выше указанных стран раскинулась земля толтеков, владения упомянутого императора Тлавитара – благодатный, цветущий край, обласканный судьбой, одаряемый природой, оберегаемый Богом. Северней есть ещё несколько незначительных, подчинённых Тлавитару государств, все они управляются королями, полностью зависящими от его воли.

– Уважаемый вождь рассказал много интересного. А что он может сказать о воинах могущественного Тлавитара? – поинтересовался Шуадаз.

– Главная сила толтеков кроется в их многочисленности, – ответил престарелый вождь, – тягаться с ними не под силу ни одному народу острова. Что касается искусства боя, сражаются они не лучше других, их воины не крепче, а копья и топоры не острее, чем у остальных. Военачальник из Тлавитара весьма посредственный, но у него есть один очень хороший советник, ходят слухи, он обладает тайным знанием и поддержкой Бога. Оружие у толтеков – как у всех, копья да палицы, доспехи они шьют из шкур буйволов и крокодилов, кто побогаче, пользуется панцирями черепах. Добавлю, что самые воинственные и

свирепые на острове – кочевники. Их иногда побеждали в бою, но они собирались и мстили своим обидчикам, бывало даже на следующий день, достоверно известно, в двух таких случаях войска победителей были уничтожены полностью.

Остальные вожди островитян дополнили сказанное, сошедшись на том, что наиболее опасные – тлаватли-кочевники, наименьшую угрозу представляют осторожные и предусмотрительные толтеки – увидев маломальский перевес противника, они всегда предлагают разойтись с миром.

Шуадаз поблагодарил вождей за помощь и отпустил, а когда рмоагалы остались одни, спросил:

– Достаточно ли вы узнали о народах острова? Что о них думаете?

Вождь западного племени сказал:

– Король, как всегда, поступил мудро, пригласив туземных вождей на совет. Их рассказы меня очень порадовали и приободрили. Самое важное, что я услышал – здешние люди самонадеянны и тщеславны. Их замечательные недостатки мы сделаем нашими грозными союзниками. Кстати, я заметил ещё одну хорошую новость – они воюют друг с другом, а значит, не объединятся и не выступят одним войском. Ратников у нас хватает, силы восполнены, сражаться мы не разучились. Думаю, до Города Солнца доберёмся быстро.

Вожди одобрительно загудели и закивали головами, а Шуадаз торжественно сказал:

– Братья! Вы слышали, какие люди живут на острове. Они не ищут повода к войне, а просто идут к соседу и отнимают его территорию. Эти народы успешно воюют друг с другом, но никто из них не сумеет победить рмоагалов. Бог не напрасно дал нам силы преодолеть океан – Он показал свою готовность предать в наши руки земли и людей. Отныне смотрите на себя, как на их повелителей, и пусть мы ещё не увенчаны победой, но уже вышли в поход за заслуженной наградой, и недалёк тот час, когда мы её получим. Для этого нам нужно сделать первый шаг – добраться до острова, заручиться Божьей поддержкой и уверенно последовать дальше. Дождёмся от природы благоприятного времени, услышим от жрецов слово Бога и выступим, когда Он позволит войти в свои владения.

Жрецы и вожди воздели руки к небу и поблагодарили Бога за поддержку. Они увидели себя победителями и были уверенны, что легко

завоюют остров, населённый народами, в бою полагающимися не на себя, не на волевое слово, а на рукотворные приспособления и всевозможные ухищрения разума. У них не осталось ни капли сомнения в своей способности разгромить людей, потерявших источник собственных сил и надеющихся восполнить их дополнительными предметами и орудиями – как будто у этих предметов есть воля к победе, как будто орудия в состоянии определить победителя.

Наконец ливни закончились. Рмоагалы тотчас погрузились на плоты, взяли провожатых и отправились на Большой остров.

До берега добрались без приключений. Два отряда сразу же вышли исследовать местность, а остальные начали разгружаться.

Жрецы также не теряли времени зря. Из обилия валяющихся на берегу камней соорудили жертвенник, наносили выброшенных океаном и успевших высохнуть водорослей, из прибрежного леса натаскали сухих веток, высекли огонь и приступили к жертвоприношению.

Народ разгрузил плоты и остался без дела. Дожидаясь результатов обряда, люди с любопытством осматривали возвышающиеся вдоль берега лесистые горы, бесцельно слонялись туда-сюда либо сидели на песке, наблюдая за бесконечным движением волн.

Два раза жрецы спрашивали у Бога разрешение овладеть островом, но Он безмолвствовал. Что-то было не так. Старшая жрица использовала весь запас своих знаний, по-разному задавая один-единственный вопрос: «Позволишь ли, Боже, войти на этот остров?» – но ответа не последовало. Ясно было одно: дальше идти нельзя. Придётся остановиться на берегу и дожидаться разрешения. Разочарованно вздыхая, рмоагалы стали обустраивать лагерь. Поставили шатры короля и вождей, подготовили места королевского совета, общинных обедов, воинских сборов, соорудили святилище, установив шесты и натянув на них взятые у островитян кожи, а из тех, что остались, построили навесы для отдыха.

Завоевание острова начали с грабежей близлежащих деревушек рыбаков и землепашцев. Чтобы не терять времени зря, король поручил Урутлану исследовать земли на расстоянии одного дня пути от лагеря и определиться с дорогой – ведь они уже получили право владения, осталось его подтвердить, что Бог, вне всякого сомнения, сделает в ближайшие дни.

Глава III

Прибрежные земли принадлежали кочевникам-тлаватлям. Племена они упразднили ещё на заре своего становления, а когда численность народа возросла, для удобства деления ввели понятие дома. У них не было ни короля, ни установившегося государства, ими руководил избранный вождь и начальники домов. Каждый дом кочевал отдельно, а два раза в году, весной и осенью, все дома собирались на общенародные праздники, на общем совете решали текущие вопросы, принимали совместные решения, праздновали рождения семей и разъезжались до следующей встречи. За умеренную плату отдельные племена землепашцев нанимали у них пригодные для обработки поля и, таким образом, получали гарантированные защиту и покой, а также, обеспечивали себя и тлаватлей злаками и съедобной растительностью.

Тлаватли пережили катастрофу и сумели не только выжить, но, благодаря женщинам, быстро восстановились и стали процветать. Когда ушедшие в поход воины не вернулись, а из мужчин остались одни старики и дети, на защиту подрастающего и увядающего поколений встали женщины. Среди стариков были опытные участники сражений – научившись у них правилам боя, вооружившись палицами и волей к победе, женщины выбирали и грабили небольшие, слабо защищённые деревеньки. Матери, идущие за пищей для своего потомства, не оставляли землепашцам никаких шансов на собственное имущество, а иногда и на жизнь. Подрастающее поколение, вставая рядом с матерями, брало с них пример, училось сражаться без оглядки на себя и свою жизнь – во исполнение поставленной задачи, ради той цели, что велела взять в руки оружие и повела на опасное дело. С тех пор и по описываемое время слава непобедимых их не покидала, а женщины, как боевая единица, оставались в строю и, если они выходили на поле брани, боеспособность мужчин возрастала в разы, а войско превращалось в могучий каменный кулак.

Долговременное благополучие привело к тому, что иные дома уставали от непрерывного движения и оседали. Это не нравилось остальным. Считая осевших предателями заветов предков, они отправляли к ним совместные делегации с требованием прекратить позорить пращуров и вернуться к кочевой жизни. Поначалу напряжённые отношения удавалось сглаживать путём совершения набегов из осевших

поселений, но вскоре прекратились и набеги. Шаткий мир сохранялся недолго. Живущая в крови воинственность призвала кочевников вспомнить подвиги дедов и отомстить за глумление над памятью народа. Вчерашние соратники разрушали разрозненные деревни предателей, а те собирались силами и мстили. Кровавое противостояние продолжалось до объединения осевших домов в единое государство, возглавляемое родоначальником королевской династии, Трилатланом. Кочевники попытались продолжать былую практику, но ситуация изменилась – после очередного сокрушительного поражения они попросили мира. Это было давно, сотни и сотни лет тому назад.

Последующие столетия пошли королевству Трилатлан на пользу. Оно окрепло физически и морально, увеличилось численно, умножило деревни, возвело два города. В отличие от осевших собратьев, жизнь кочевников существенных изменений не претерпела. В королевском дворце оценили соотношение сил, поверили в своё могущество и загорелись идеей возродить славу предков, объединив земли и воссоединив народы, конечно же, под началом короля. Кочевой собрат показался им отсталым и слабым. Король понадеялся на количественное превосходство и попытался добиться желаемого одним ударом, воздвигнув на соседей всю мощь своего королевства, но неожиданно получил отпор и жесточайшее наказание – быстрые манёвренные кочевники не давали громоздкому войску покоя, водили его по изрезанным оврагами полям, заманивали в вязкие болота, тревожили кратковременными набегами, обессиливали бесконечными переходами и непригодными для отдыха стоянками, внезапно, в самый неподходящий момент возникали, уничтожали часть рати и пропадали. Уставшее гоняться за ветром сильно поредевшее войско Трилатлана разуверилось в успехе, развернулось и поплелось домой, а кочевники разграбили и сожгли ряд приграничных деревень. Король и знать цветущего государства почувствовали себя униженнными, возжаждали реванша, объявили повторный набор ратников, вооружили их наилучшим оружием, обеспечили превосходной амуницией и двинули на врага, но он вымотал войско долгими переходами, завёл в лесную чащу и разбил наголову. Началась затяжная, изнурительная, губительная для обеих сторон война. Король не мог смириться с унизительными поражениями и раз за разом объявлял очередные наборы воинов. Иногда они одерживали победу, но чаще попадали в до боли знакомую ситуацию – неприятель приводил их в крайне невыгодное

для них место, набрасывался со всех сторон, как стая волков на медведя, и разрывал на куски. Беспощадность кочевников ужасала, не выдержавшие избиения воины разбегались, кто куда. Остатки ратников, мечтающих поскорее оказаться в столице и запереться на все засовы, прячась в лесах, кустарниках, ямах, ложбинах, поодиночке и маленькими группками, спешили под защиту высоких стен. Страна переходила в распоряжение разъярённого противника. Для одной стороны наступал час мщения, для другой – прозрения.

Война для народа – что болезнь для организма, состояние неестественное, мучительное, угнетающее, разрушительное и, нередко, губительное. Война изматывает, ослабляет, обескровливает, если не весь народ, отдельные его части – непременно. Страдают и побеждённые, и победители, и не факт, что первые – больше, а вторые – меньше. Ведь воюет всегда сам народ – той частью, которая разрушение ставит выше созидания, которую угнетает скучная мирная жизнь и будничные домашние хлопоты, а более всего, привлекают разного рода авантюры, и главная меж них – возможность быстрого обогащения. Остальные всегда и во всём проигрывают – поскольку любое нарушение здоровья телу не прибавляет, – это особенно остро ощущается при затяжных конфликтах, как и то, что эти конфликты приносят более чем ощутимую выгоду строго ограниченному количеству личностей, возвысившихся над своим народом.

Уставшие, пресытившиеся убийствами тлаватли одинаково жаждали прекращения войны. Кто бы ни побеждал, его триумф всегда утопал в кровавой мести – разделившийся, размежевавший территорию народ ревностно относился к своей чести и доставшимся ему землям. Первыми опомнились кочевники и предложили королю: «Ради укрепления кровно единого народа, живущего врозь, но в равной степени чтящего память и заветы общих предков, даём слово нашим братьям не переступать рубежей Трилатлана. Пусть Трилатлан даст нам слово чтить наши границы, тогда – мир!» Мечтавший о покое король сразу же согласился – он и лицо сохранял, и получал давно желаемое.

Братские народы и дальше развязывали войны, проливали кровь и мирились. В последний раз территория страны становилась ареной боевых действий два поколения назад, в правление прадеда Вардлара, Великого Тлаватля, всю свою жизнь посвятившего защите Трилатлана и передавшего потомкам цветущее государство с войском, способным

отразить любого врага. Вступивший на престол Вардлар подтвердил нерушимость мирного соглашения с кочевниками, чем очень разочаровал своих сановников – они надеялись, что молодой король развяжет новую войну, но он сказал им: «У короля есть помощники. Они хорошие, если приумножают его богатства, и плохие, если уменьшают. Моё единственное богатство – народ! И я не желаю отдавать свой народ на растерзание войску, в строю которого мужчины стоят бок о бок с женщинами, не уступающими им ни в силе духа, ни в стойкости, ни в храбрости, ни в умении умерщвлять, а в сражении служащими колоссальным стимулом для проявления чудес воинский доблести. Чтобы я от вас больше не слышал слов «война с кочевниками»! И запомните: любой, желающий поливать землю кровью моего народа – мой личный враг!»

С началом грабежей слух об огромных чёрных людях разнёсся по всему краю и пополз дальше, вселяя в атлантов страх и опасение за своё будущее. Чудом избежавшие гибели землепашцы с ужасом в глазах призывали соседей немедленно бежать в леса и сидеть там тише травы.

О вторгшихся на их территорию чужаках кочевники узнали от разорённых землепашцев. Вождь сразу же созвал совет, вместе с начальниками домов попытался выяснять, что им известно о неприятеле – оказалось, достоверных сведений о нём нет, никто не знает, кто они, откуда прибыли, куда идут, чего хотят, какова их численность, чем вооружены – и понял, что вначале нужно высылать к ним соглядатаев, а затем думать о дальнейших действиях.

В стан противника послали опытных и смелых воинов. Они ушли на поиски его стоянки и вернулись через семь дней.

Старший соглядатай подробно рассказывал, а совет внимательно слушал:

– Мой вождь! Славные начальники домов! Отряд исполнил наказ совета – побывал в гостях у врага, разузнал о нём всё, что смог, и принёс ценные сведения. К стоянке неизвестного народа мы пришли незамеченными. Путь не преподнёс нам неприятностей, не считая одной разграбленной деревни, выглядевшей так, будто в ней порезвилось стадо взбесившихся буйволов – часть домов и хранилища были разломаны полностью, а куски стен валялись по всей околице. Зачем было ломать дома? По видимости, они намеревались разрушить всю деревню, а потом передумали… необъяснимо… их поведение и сейчас остаётся для нас загадкой. Таёжными звериными тропами мы добрались до

прибрежных гор, поднялись наверх, и нашему взору предстал лагерь неприятеля, расположившийся прямо на побережье океана. Сначала нам показалось, что они что-то не поделили, будто у них большая перебранка – люди кричали, шумели, галдели, причём в этом участвовали все – мужчины, женщины, даже дети. Оказалось, они так разговаривают. Их речь оглушительна, словно раскаты грома, рост – гигантский, а кожа чёрная как древесный уголь. Целый день мы наблюдали за повадками пришлого народа, а когда они стали нам понятны, двинулись вдоль лагеря и шли довольно долго, слушая непрекращающийся шум, видя битком набитый людьми берег и непрестанно прибывающие и убывающие воинские отряды.

Дальше он взял нож, начертил на земле борозду, назвал её берегом, рядом начертил вторую, назвал горами, между ними разместил стоянку, начертав её неровным овалом, объяснил, что представляет собой местность, и перешёл к деталям устройства логова противника. Соглядатай рассказывал, объяснял, отвечал на вопросы, вождь и начальники домов слушали, спрашивали и, чем больше они узнавали, тем мрачнее становились их лица.

Они припоминали сказания своего народа, сопоставляли с услышанным и нигде не находили чёрных людей. Приступая к делу, совет всегда сверялся с опытом предков, вспоминал, как такие дела исполнялись раньше, прилагал к настоящему и был уверен в результате, а если, как сейчас, натыкался на пустоту, неизменно оказывался в затруднении. Ни вождь, ни начальники домов, не ведали страха – народ-воитель не допускает недруга в свои сокровенные чертоги. Поначалу воин уничтожает своего злейшего врага – страх, и только после этого берётся за остальных. Совет тщательно перебрал историю, но не встретил ни одной подсказки, не обнаружил даже намёка на выбор тактики боевых действий либо способа ведения войны, и терзался в сомнениях.

Незнающий поражений незнаком с ними не потому, что стремглав бежит на противника, орёт, что есть мочи, и лупит, что есть силы, но потому, что тщательно подходит к любому сражению – размышляет, сравнивает и видит верный выход. Как ни ломали головы члены совета, разбирая сложившееся положение, выход отсутствовал, единственное, в чём они не сомневались – это в том, что враг должен быть уничтожен, если его просто изгнать, он может вернуться, а значит, у них есть первоочередная задача – определиться как с ним воевать и выбрать выгодное для себя место сражения.

Размышляя о недруге, совет перебрал множество различных вариантов, но ни у одного из собравшихся не возникало идеи уступить, отойти, затаиться и переждать, подобно забравшимся в глушь землепашцам. У народа-воителя есть одно-единственное решение: сражаться! – всегда, везде, при любых обстоятельствах, в любых условиях, при любом соотношении сил. Он побеждает или погибает. У него в почёте прямота и открытость, а с недругами разговор короток: выходи – сразимся! Пусть нас рассудит безжалостный бой, пусть бой покажет, кто из нас прав, а кто ошибаеся. Никто не справится лучше него – нет справедливее арбитра! Лишь в бою выясняется истинная ценность народа, сила его воли, качество его крови.

Каждый воин изучает и понимает универсальный язык силы, быстроты, стойкости, ловкости движений, храбрости духа, выносливости тела. Искусство сражения воин начинает постигать с раннего детства и в течение всей жизни повышает своё боевое мастерство и расширяет знания о средствах и способах побеждать. Единственной своей ценностью воин провозглашает судьбу народа, посвящает ему всего себя, свою выучку, свою жизнь. Воин признаёт лишь два состояния человека – победитель и побеждённый. Для него они равняются жизни и смерти. Для него это – жизнь или смерть! Третьего не дано! Взявший в руки оружие принимает закон исключения третьего. Он гласит: «Выйди из боя победителем или верни тело земле! Побеждают достойные жить, погибают поддавшиеся смерти.»

Начиная обучение, наставники говорили детям: «Легко сказать, но трудно исполнить. Вы сильны не словами, а поступками. Учитесь поступкам! Но и словами не пренебрегайте, ибо из слов слагаются ваши мысли, формируется ваш разум. В словах живёт ваша память.» И они запоминали: «Много в мире прекрасного, но лучшее, что у тебя есть – твой народ, поставивший тебя на ноги, вырастивший, воспитавший, научивший сражаться. Береги его пуще зеницы ока – стой за него до конца! Учеником будь прилежным – в бою не учатся, а применяют изученное. Выходя на бой, крепко-накрепко затверди: ты обязан отнять жизнь у противника, не позволяя ему отнять её у себя. Воинская доблесть завсегда стяжает славу и вознаграждается по достоинству, однако главную свою награду ты добываешь себе сам, и она состоит не в приобретении похвал, но в сохранении своей жизни на поле брани. Сражайся за неё, береги её! В ней нуждается твой народ – потому, что

собственная его жизнь составлена из совокупности жизней его воинов. Памятуя об этом – упражняйся! Поле брани – всегда встреча со смертью, она ищет слабых и отступает перед сильными – не телом, но духом. Знай! Любой бой – всегда сражение духа! Но не всегда поражение тела означает поражение духа. О смерти не думай, но будь к ней готов. Смотри на смерть как на день расставания. Вчера ты пришёл, а завтра уйдёшь. Сегодня у тебя праздник – ты живёшь. Радуйся каждому удару своего сердца, движению тела, слову соплеменника. Не печалься ни о чём, кроме упадка духа! Первым делом укрепляй свой дух. Почувствуешь его силу, можешь приступать к укреплению тела, добьёшься между ними согласия – считай себя ставшим на путь воина, но назовёшься ты им лишь после того, как растопчешь слабодушие, забудешь о снисхождении, уничтожишь страх, удалишь сомнения, презришь трудности, преодолеешь боль, осилишь усталость. Назвал себя воином – будь им! Будь смелым, иначе проиграешь, погибнешь сам и подведёшь остальных. Не забывай о собратьях – защищай их и себя. Прежде всего – их, затем – себя! Воспитай не знающую поражений волю! Воля побеждает. Воля творит! Идёшь в бой? Помни! Перед тобой – враг, позади – народ, ты – его щит, ты – его остриё, без тебя он погибнет. Если до встречи с противником осилишь собственные слабости – преодолеешь капкан смерти, выйдешь из сражения победителем и сохранишь жизнь – себе и своему народу. Жизнь твоего народа сосредоточена в тебе, в твоём сердце, в твоём духе – почувствуй её дыхание и струящуюся в тебе силу. Думай о жизни достойно! Жизнь тебе дана, чтобы ты своими мыслями и поступками оценил свои способности и нашёл своё место в становлении народа. Воин знает, что слово – предшественник действий. Сказал – сделай! Пообещал – исполни! В противном случае ты не воин, но пустослов – цена тебе всегда равна цене твоего слова. Воин чуждается многозвучного разглагольствования, а туманную витиеватость речи признаёт слабостью ума и тела. Таков один воин, если же воином является целый народ, он подобен вспышке молнии – он поражает!»

Совет понимал, медлить нельзя, каждый день уносит жизни и приносит опустошения, также было ясно, что численность противника требует участия всего народа. Коротки и точны фразы мужей, досконально знающих своё ремесло, быстры и понятны ответы. Снаряжение – полное, путь движения – кратчайший, шаг – скорый, остальное

прояснится по дороге, что-то даст сбор дополнительных данных, что-то подскажет сам неприятель.

Народу-воителю не нужны долгие приготовления, он всегда готов к битве, всегда начеку, если же над ним нависает угроза порабощения, он сгруппировывается, собирается, как готовящийся к прыжку быстрый, гибкий, сильный зверь, выпускает когти, оголяет зубы и наносит сокрушительный удар.

Кочевники выслали вперёд усиленные отряды соглядатаев и пошли вслед за ними, по пути собирая не успевшие присоединиться дома, а когда дождались прихода последнего, поспешили в сторону океана, к лагерю противника.

Соглядатаи шли быстрым шагом, при этом замечая следы, оставленные недругом. Не дальше, чем за переход до вражеского стана им встретились две малочисленные группы неприятеля, блуждающего в поисках пищи. Рмоагалы вели себя как дома – свободно, расковано – возможно, они так и считали, но их мнение не разделяли хозяева земли. Приметив забывших о безопасности больших чёрных людей, кочевники внезапно атаковали их и без труда уничтожили. Удача окрылила победителей. Оба случая оказались поразительно похожими: заметив беспечно идущего недруга, к нему тихо подбирались, брали в кольцо, набрасывались и поражали. Оказавшись внутри плотного, ощетинившегося оружием круга, полуобнажённые гиганты что-то громко кричали и испуганно метались, безуспешно пытаясь найти щель, просочиться и убежать. Упустив их, тлаватли не были бы воинами! Обречённых на гибель врагов встречали острые топоры и разящие копья. Из двух групп избежал смерти лишь один быстроногий бегун – ещё до окружения он рванул в лес и исчез в труднопроходимых зарослях. Его побег никого не обеспокоил. Оценив боеспособность гигантов, тлаватли кричали вслед сбежавшему:

– Беги-беги... извести своих о приближении доблестных воинов. Передай: пощады не будет никому… убирайтесь подобру-поздорову…

Но рмоагалы и не думали убираться. Слушая сбивчивый рассказ запыхавшегося бегуна, Урутлан не мог удержаться от злости – всё, что попадало ему под руки, с хрустом ломалось и с силой бросалось оземь.

– Что? Напали на отряд обеспечения? Да как они посмели?! Жалкие коротышки! Вы дорого заплатите за своё бахвальство! – орал

он, заглушая шум лагеря, а наоравшись, скомандовал. – Земля требует крови! Немедленно собрать королевские войска!

В оба конца лагеря побежали глашатаи, крича через каждую сотню шагов:

– Срочный сбор воинов королевского войска! Воины! Все на сбор! Вождь Урутлан созывает воинов!

Следующим утром войско королевского племени, предваряемое ушедшими вечером двумя группами соглядатаев-островитян, вышло навстречу кочевникам. По вьющейся на дне ущелья узкой тропинке воины пробрались на другую сторону приземистой горной гряды и углубились в густой лес. Быстро идти нельзя, под ногами пружинит поросшая мхом застланная валежником сырая почва, справа и слева стоят стены кустов и деревьев, но это самый короткий путь, привычная твёрдая, протоптанная отрядами дорога займёт втрое больше времени. Высланные вперёд островитяне прорубили тропинку, благодаря ей воины идут без задержек и не тратят драгоценные силы на борьбу с лесом.

Молодой вождь торопится. Бой нужно дать как можно дальше от стоянки. Основные силы кочевников соглядатаи-островитяне обнаружили за два перехода до берега. Урутлана подгоняет не только расстояние, ему очень хочется громкой победы без участия остальных племён и, тем более, вождей. Он идёт за славой и делиться ей не желает. Сбор и так наделал слишком много шума, став причиной целого совета и заставив объясняться с отцом, обвинившем сына в чрезмерной спешке и строптивости. Эта победа будет его личной заслугой! Он не отдаст её даже отцу, не говоря об остальных, а если кто-то пожелает воспрепятствовать его планам, пусть побережётся! Все знают, как он страшен во гневе, но никому не известна настоящая сила Урутлана – к сожалению, ещё не было случая её применить.

Первый привал остался далеко позади. Воины уверенней ступают по сырой почве, полной грудью вдыхают влажный воздух, слушают равномерный шум листьев и размеренный, убаюкивающий шёпот высоко взметнувшихся крон вековых деревьев, и им кажется, что так будет всегда, что никто не потревожит природную безмятежность, не посмеет разрушить установившийся порядок, и тем более, привнести в него смерть.

Они прошли довольно длинный отрезок пути, как до привыкшего к тишине слуха стали доноситься равномерные глухие звуки. Вскоре

звуки приблизились и выявили бегущего человека. Примчавшийся был одним из островитян, ушедших вечером на поиски противника и прорубку прохода воинам Урутлана. Он сказал, что неприятель расположился на близлежащей лесной поляне и приводит свои ряды в боевую готовность. «Давно пора! – подумал вождь, передавая по цепочке. – Внимание: рядом противник!»

Урутлан первым подошёл к опушке леса, продрался сквозь кустарник и увидел просторную поляну, дальняя сторона которой была густо усыпана ожидающими их кочевниками. Вражеские соглядатаи хорошо знали своё дело: они обнаружили свежевырубленную просеку, выяснили направление следования неприятеля и помогли воинам выбрать позицию, преграждающую рмоагалам путь вглубь острова. Налаженная система слежения и оповещения держала их в курсе всех передвижений чёрных людей, но и те не отставали – островитяне услышали шум, издаваемый большим скоплением людей и животных, проследили за ними до лесной поляны и предупредили своих. Взаимная слежка и обоюдное желание встречи свели воинов на поляне, где уже томились предвкушающие победу тлаватли, а готовящиеся к бою рмоагалы выстраивались у края лесной опушки.

Рмоагалы вышли из леса, вытянувшись семью длинными, почти во всю ширину поляны, полосами. Увидев долгожданного врага, на той стороне стали громко кричать и радостно потрясать оружием, а большие люди почувствовали облегчение – наконец они дошли до цели. Теперь нужно побыстрей закончить дело и успеть засветло вернуться в стан, к устроенным из циновок лежанкам. В лесу ночевать не хочется, вместо удобных укрытий придётся довольствоваться кронами деревьев, спать на сыром мху и скользких влажных листьях. К стоящему на той стороне поляны противнику они относились как к досадной помехе, которую необходимо уничтожить, чтобы идти дальше.

Широкая линия чернокожих людей молча ползла на противника. Громадного роста, с огромными палицами, в одних набедренных повязках, без всякого защитного снаряжения, они казались просто смешными стоящим напротив них тлаватлям – закованным в толстую непробиваемую кожу мужчинам и женщинам, прирождённым воинам, вооружённым длинными копьями, рогатинами и острыми секирами. Предвкушающие быструю победу кочевники от всей души веселились над дерзнувшими встать против них безумными дикарями, вышедшими

на поле брани с одними дубинками, не имеющими никакого понятия ни о войне, ни об оружии.

Вдруг над поляной пронёсся низкий утробный рокот, похожий на рычание рассвирепевшего льва, от которого кровь стынет в жилах, ослабевают мышцы, замирают суставы, обездвиживается тело. Оно разошлось во все стороны, всполошило зверя, посбрасывало сидящих на ветках птиц и отозвалось в лесу громким эхом.

– Гу-у-у! – одновременно выкрикнули в ответ тысячи гортаней, и у передних рядов кочевников подкосились ноги и они, сначала упав на колени, повалились наземь и стали кататься по траве, обхватив голову руками и ловя воздух ртами, как вытащенная из воды рыба. Задние стояли, не двигаясь – словно приросли к почве, – таращась на валяющихся сородичей и не понимая происходящего. А чёрные гиганты шли на них, сжимая в мощных руках здоровенные палицы, неумолимо, шаг за шагом приближаясь к беспомощным тлаватлям.

– Гу-у-у! – опять, вслед за страшным утробным рычанием, пронеслось над поляной и потонуло в ближнем лесу, сбрасывая наземь замершее на ветках деревьев зверьё и тревожно кричащих в воздухе птиц. Следующие несколько рядов прикипевших к земле воинов беззвучно попадали на корчащихся сородичей, схватились руками за головы и, словно обезумевшие, принялись их выкручивать и отрывать. Крепко посаженные головы не поддавались, но тлаватли с завидным упорством пытались вырвать главную часть тела из своего законного места, не обращая внимания на врага, а он был уже рядом, ещё десяток-другой шагов, и размахивающие огромными палицами большие люди начали крушить скрюченных кочевников, не подозревавших, какой сюрприз преподнесут им эти дикари, перед боем казавшиеся стадом диких животных.

Рмоагалы избивали беспомощных тлаватлей, а из-за деревьев за ними наблюдали тысячи пар глаз. В сражении участвовали все боеспособные кочевники, как мужчины, так и женщины. В естественном укрытии остались юные, старые, больные, увечные и слабые. Они заранее заняли удобные для наблюдения места и сидели радостные, готовые к триумфальной победе, до поры, пока не услышали страшный звериный рык. И это было только началом. Дальше произошло что-то невероятное – их тела онемели и перестали повиноваться, но разум понимал, а глаза следили за уничтожением народа. Что же они увидели?

Победоносное войско, не успев бросить ни единого копья, обездвижено. Опытные воины, не поразив ни одного противника, повержены. Охваченные страхом души наблюдателей словно проваливаются в пропасть, а наружу прорывается немой крик: «Боже! Где ты? Неужели доблестный народ заслуживает столь бесславной смерти? Неужели всех наших воинов перебьют, словно пойманных в силки обречённо трепыхающихся зайцев?» Совсем рядом, в какой-то сотне-другой шагов от них бродят большие чёрные люди, безнаказанно убивающие их родных, а они не в состоянии им помочь. К ним приходит понимание происходящего и выплёскиваются волны скорби: «Нам конец! Боже! Ты от нас отвернулся! Мы осиротели!» – Это известие поражает их до основания. Люди не выдерживают осознания ужаса своего положения. Ломается стержень, скрепляющий душу с телом, пересыхает источник жизненных сил и человек пропадает. Самые страшные слова для атланта: «Бог нас покинул!» Они означают погибель.

Бесстрашный всегда смелый, но смелый не всегда бесстрашен. Если смелому известно, что его ждёт впереди, он смотрит в глаза судьбы без страха, если же против него восстаёт неведомая сила – непонятная, таинственная, несущая смерть, когда он ищет и не находит объяснения ни одному из сопутствующих ей событий, страх острым жалом пронзает его сердце, затемняет сознание, сковывает тело, отнимает волю. При виде леденящей душу картины следящие за избиением сородичей кочевники вначале оцепенели, затем ужаснулись и запаниковали, их сердца омертвели, а рвущийся изнутри животный инстинкт повернул стопы вглубь леса. Страдающие души хотели выть от боли, но желание выжить крепко сомкнуло им зубы. Очнувшиеся наблюдатели вскакивали на ослов, разворачивали их в противоположную от поляны сторону и гнали, что есть мочи. Из всех человеческих желаний у них осталось одно-единственное: бежать куда-нибудь, лишь бы побыстрее оказаться подальше от гиблого места. Возле ослов возникла сутолока, здесь копошился весь лагерь. Люди спасались и, если бы в этот миг кто-то заглянул в их глаза, оттуда, из бездонных глубин сжавшейся в комок души, на него пахнул бы смертельный холод зияющих небытием тёмных отверстий – в них не было ни мыслей, ни движения, ни жизни, только застывшая пустота.

На следующий день в стане на берегу океана весело полыхал аппетитно поглощающий древесину огонь. Когда от кучи дров остались одни мерцающие угли, жрецы подвесили над ними посвящённое победе

животное и захлопотали над его приготовлением, поворачивая тушу то одной, то другой стороной к жару. Урутлан был здесь с самого начала, присутствовал при выборе упитанного козлёнка, участвовал в жертвоприношении, ритуальной закладке дров, а сейчас просто сидел у огня, смотря на всполохи раскалённых углей, на прорывающиеся и исчезающие редкие языки огня, наблюдая за проворными движениями следящих за равномерностью испекания туши жрецов, вдыхая смесь дыма и приятного аромата готовящегося мяса, и с восторгом вспоминая эпизоды вчерашнего события. На его губах то и дело расцветала улыбка: он отмечает свою первую победу. И какую победу! Уничтожение народа прославленных воинов! Все вышедшие на битву тлаватли остались лежать на поле боя. От его внимания не ускользнула паника в лесу на противоположной стороне поляны, но бежать за ними означало попусту тратить драгоценные силы и время. Излишне упоминать о захвате богатой добычи. Он показал свою состоятельность – враг, названный наиопаснейшим на острове, повержен. Путь к цели расчищен. Что ещё нужно победителю? Осталось поднять привыкающий к жизни на побережье народ и повести дальше – к новому дому, к новой родине. Для этого ему и была нужна победа – чтобы придать воинам уверенности в своих силах и вселить в них необходимую победителю жажду триумфа.

Глава IV

Со дня сокрушения кочевников пролетел почти месяц. Рмоагалы по-прежнему стояли на побережье, занимаясь уже привычным бездельем. Еда, захваченная с обозом, закончилась, большие люди попытались есть ослов и с сожалением отказались – ослиное мясо оказалось слишком жёстким. Отряды обеспечения существенно расширили район поисков, но добычи приносили всё меньше и меньше. Вожди вдруг открыли, что они не умеют действовать объединёнными силами и для начала договорились выбрать командующего, однако никак не могли определиться с критериями отбора, споря о том, что должно иметь решающее значение: былые заслуги, количество доблестных предков, численность племени или личные качества. Определение критериев было так важно потому, что они почти наверняка решали, кто одержит верх. Старый король не торопился сам и не торопил вождей – он ждал от жрецов сигнала к выступлению, но у тех ничего не менялось. Бог по-прежнему

отказывал им в праве идти дальше. Старшая жрица объясняла отказ периодом установления связи острова с народом и успокаивала, говоря, что время перемен наступит после привыкания земли к новому для неё характеру населения. После установления связи Бог непременно откроет врата благоденствия и позволит овладеть островом. На вопрос: «Сколько осталось ждать открытия врат? – она отвечала. – Бог не возвещает нам сроков», – и поясняла, что они всегда зависят от правильного исполнения старых обязанностей, восстановления и исправления неверных, ошибочных, а также, быстроты формирования новых. Она говорила: «Этот крайне сложный процесс требует точных расчётов и участия Божьих служителей. До вступления во владения наш небесный владыка перераспределяет права, очерчивает границы влияний и зоны ответственности между водителями народов. Если пренебречь законами и самовольно вступить на чужую землю, не дождавшись перечисленных перераспределений, не миновать поражения, даже уничтожения всего народа.»

Вожди устали от неопределённости. Они видели, что старый нерешительный король явно не годится в правители военного времени, остро почувствовали необходимость перемен и затеяли возню вокруг спорной должности командующего, надеясь на скорое выступление. Среди них особо выделялся заслуженный вождь многочисленного западного племени. Он подмял под себя вождей малых народностей и нацеливался на вакантную должность, намереваясь при первом же случае занять королевский престол. Остальные вожди приняли его вызов и старались каждый для себя, кичась личными и родовыми заслугами, бахвалились преимуществами, затевая союзы и заплетая интриги. Вождь западного племени выделялся среди них как лев среди стаи волков, наблюдая за неуклюжей вознёй и снисходительно посмеиваясь над потугами овладеть сулящим большие перспективы местом, пока ещё недосягаемым, но весьма привлекательным и желанным. На держащегося в стороне Урутлана вожди смотрели с долей опасения, видя в нём препятствие, но не принимая всерьёз, считая, что, оставшись без родителя, он не создаст им существенных трудностей.

Народ с утра и до вечера томился бездействием, изредка развлекаясь поединками, в основном же валяясь на циновках, уставившись в облака, рассматривая горы или наблюдая за волнами. Уверенных в себе, желающих рискнуть и изменить ситуацию среди них не находилось, а предусмотрительные вожди предпочитали выжидать, играя в борьбу

вокруг должности командующего объединённым войском – больше всего они опасались межплеменных распрей, угрожающих разрушить будущее народа.

Сначала Урутлан не ввязывался в спор вокруг спорной должности, однако, понаблюдав за склокой вождей, посчитал её опасной для народа, решил, что вакантное место должно принадлежать ему и попытался создать союз против вождя западного племени, но никто его не поддержал – для вождей он был слишком молод, невероятно горд и очень заметен. Разочаровавшись в затее и пожалев, что ввязался в совершенно бесполезную борьбу, он занялся поиском пищи и усилил подготовку воинов к сражениям. Тщательное исследование земель на два дня пути в одну сторону показало, что всё, что можно было забрать, уже забрано, а что можно было съесть, уже съедено – все деревни по несколько раз перерыты и перепроверены. Отряды обеспечения регулярно отправлялись в леса по ту сторону гор, но охота отнимала много времени, а пищи приносила мало. Крупных животных там почти не было, в основном водились мелкие и средние быстроногие травоядные, несъедобные хищники, гады и птицы. Океан также не жаловал – ловить рыбу они так и не научились. Ознакомившись с состоянием дел, Урутлан понял, что близится день, когда еду взять будет неоткуда, и с нетерпением ожидал, от жрецов – разрешения Бога, от короля – сигнала идти вглубь острова, от вождей – выбора командующего, надеясь, что они прекратят пустые прения и обратятся к насущным вопросам, но время уходило, а жизнь в стане не менялась.

На очередном совете вождей Урутлан сказал:

– Мы занимаемся очень важным делом, решая, кто вправе повести войска в бой, который неизвестно когда будет, а следовало бы обратить пристальное внимания на грозного врага, способного без труда погубить любую армию – к нам приближается голод. Отряды обеспечения рыскают по истощённым землям, но не могут взять то, чего там нет. Прошу короля разрешить смену стоянки, перейти вглубь острова хотя бы на один день пути, там мы смо… – но не на шутку разгневанный король, стукнув по песку палицей, оборвал сына на полуслове:

– С каких пор на совете вождей мы говорим о еде? Прежде чем слово молвить, подумай – здесь ли его место? И впредь не позволяй себе подобных выходок!

– На совете мы должны говорить обо всём, касающемся будущего народа. Пища вот-вот закончится, взять её негде. Мы перемрём от

голода, если останемся лежать как поросшие мхом камни. Неужели рмоагалы пришли на этот остров, чтобы стать жертвой местного Бога? – не сдавался Урутлан.

Это было неслыханным оскорблением. Старый Шуадаз помрачнел:

– Совет будет обсуждать то, на что укажет король, – осадил он сына, – не думай, что ты больше нас печёшься о народе. Не заносись раньше времени, придёт и твой час. Пока же лучше посиди молча, прислушиваясь к старшим, а пожелаешь дельное добавить – проси слова.

Буйному нравом, воинственному характером Урутлану стоило немалых усилий сдерживать себя и молча наблюдать за борьбой доисторического высокомерия. Он блюдёт закон и почитает традиции, но у него растут два крепыша, и он сделает всё, чтобы они и их ровесники обрели новую родину. Благополучие детей неизмеримо выше всего, о чём здесь говорят. Если потребуется, он разрушит любые препятствия – иссушит моря, повернёт вспять реки, построит мосты, преодолеет ущелья, разметает горы – уничтожит любую, противящуюся ему силу, не важно, кому она принадлежит, сородичу или иноплеменнику.

Долгожданный день, а точнее утро, наконец пришло. За завтраком жена сказала:

– В шатре вождя нашего народа еды осталось на два дня. Сегодня и завтра мы кое-как протянем, но послезавтра кормить наших сыновей будет нечем. Многие матери жалуются, что их дети голодают. Чует моё сердце, очень скоро мы тихо умрём на этом чужом неприветливом берегу. Стоило ли терпеть лишения? Зачем было пересекать океан ради голодной смерти? Как по мне, лучше умереть на родине, рядом с могилами предков.

Буря, поднявшаяся в душе Урутлана, не нашла слов для выражения. В его широкой груди лишь раздался тихий гул. Он вскочил и быстрым шагом пошёл к отцу.

Король ничего не хотел слышать: «Такие разговоры не приняты у народа, почитающего родителей! В отношении своего отца и короля сын и подданный обязан вести себя должным образом – прислушиваться к каждому слову и исполнять приказы.»

– Отец! – убеждал он короля. – Урутлан согласен исполнять королевские приказы. Исполнял всегда, но сегодня сложилась тревожная ситуация: заканчивается еда, дети на пороге голода – его собственные, и всего племени. Если исчезнет народ, некому будет

проявлять такие прекрасные черты, как уважение и почитание. Народу просто нечего есть, нам срочно нужно отойти на новые земли, хотя бы на день пути отсюда.

– Мы не выйдем без Божьего разрешения, – твёрдо отвечал король. – Ты печёшься о еде, я же забочусь не только о еде, но и о будущем всего народа. Если мы выйдем сейчас, нас ждёт неминуемая гибель. Вместо пререкаться со старшими, лучше иди, займись приличествующим тебе делом – поупражняйся с воинами, их ждёт много работы.

* * *

Промелькнуло ещё три голодных дня. Отряды по-прежнему уходили утром и возвращались с мизерной добычей вечером. Выполняя волю отца, Урутлан прилежно упражнялся с воинами, внутренне негодуя на общее бездействие и вынужденно томясь от собственного.

Третий день, как и два предыдущих, он провёл в воинском лагере, обучая воинов искусству владения палицей, вечером лёг и крепко уснул, но ближе к рассвету его разбудил главный стражник короля.

Заглядывающая в шатёр голова громким шёпотом призывала:

– Урутлан! Выйди! Абрэмид принёс своему вождю важные вести.

С моря веяла прохлада. Урутлан накинул на себя тёплую накидку и вышел.

– Говори! – коротко кинул он.

– Король Шуадаз отошёл к предкам, – доложил Абрэмид.

Новость была сродни грому среди безмятежного неба. Только вчера Урутлан разговаривал с отцом и не заметил никаких признаков недуга. Подозревая неладное, он спросил:

– Кто ещё знает о смерти?

– Никто, мой вождь, только ты! – ответил стражник.

– Я хочу взглянуть на тело. Кто с ним сейчас? – поинтересовался Урутлан.

– Никого! У входа в шатёр спят стражники. Я запретил им без моего ведома пускать кого бы то ни было.

Вождь наспех одел верхнюю одежду, и они пошли. По дороге Абрэмид рассказал:

– Король давно отказался от пищи. Свою долю он отсылал обратно, а сам жил травяными отварами. Вечером ему нездоровилось, я хотел

вызвать знахаря, но он был уверен, что выкарабкается, и строжайше запретил говорить о хвори, да ещё, не желая преждевременных толков, пригрозил проклятием за ослушание. Я дежурил возле него весь вечер. В полночь ему полегчало и он уснул, я прилёг рядом, а когда проснулся, он уже не дышал.

Внимательно смотря под ноги, переступая через спящих, обходя отгороженные ветками и камнями уголки отдыха и очаги огня, выдающие себя редким мерцанием углей, они приближались к королевскому шатру. Предрассветную тишину нарушали лишь монотонный шум океана и поворачивающиеся на лежанках соплеменники. Стражники, охраняющие покой своего господина, крепко спали на песке у входа в шатёр. Урутлан перешагнул через них, вошёл внутрь, подошёл к лежащему на постели отцу и внимательно всмотрелся в его лицо. Горящий посредине шатра огонь давал мало света, но привыкшие к темноте глаза хорошо различали знакомые черты. Лицо короля было спокойным, даже кротким – морщины, делающие его строгим и надменным, распрямились и придавали ему благодушный вид. Отец всегда был для него главой народа – он даже в семье оставался королём, спрашивая с детей как с остальных. Известие об его отказе от пищи стало для Урутлана столь неожиданным, что он присел рядом с ложем и погрузился в размышления о сложной природе человека. «Какое ты удивительное существо, – думал он, – с одной стороны, проявляющее чудеса самоотверженности, готовое жертвовать собой ради других, с другой – слабовольное, запутавшееся в своих и чужих условностях, не в силах перебороть наложенные на себя ограничения, связывающие тебя крепче прочных кожаных ремней из шкуры буйвола. Долго ли будешь самообманываться? Не пора ли освободиться от пут?..» – но, спохватившись, оттолкнул несвоевременные, назойливо лезущие в голову мысли – вождь всегда должен думать о настоящем. Без сомнения, в произошедшем есть, как минимум, одна положительная сторона – у него появилась перспектива возглавить народы и повести их вглубь острова, то есть, продолжить начатый путь и осилить непреодолимое для отца препятствие. Пришло время быстрых и решительных действий – прежде всего, нельзя позволить вождям затянуть процесс назначения нового короля.

– Абрэмид! – тихо сказал он, встав и повернувшись к стоящему за его спиной главному стражнику короля. – Теперь благополучие народа зависит от нас – от тебя и от меня. Мне понадобится верный и опытный

стражник. Готов ли ты присоединиться и послужить своему народу? Готов ли ты потрудиться, чтобы дать ему возможность узреть своё великое будущее?

– Готов! – едва слышно отозвался тот.

– Тогда запоминай! – Утром приведёшь воинов в боевую готовность. Размести их вокруг шатра. Пусть сидят тихо, не привлекая излишнего внимания. До полудня в шатёр никого не пускай, ни под каким предлогом. И будь начеку. Дальше я тебе сообщу, что делать. Ты понял? – тот согласно кивнул. – Что ж, с Божьей помощью, начнём! – пожелал вождь и вышел из шатра.

Лагерь просыпался. Закипала обычная утренняя деятельность. Зазвучали женские и мужские голоса, то здесь, то там раздавались детские крики, смех, топот бегущих по песку ног, стуки по камню, дереву, шорохи, шуршанье циновками. Неспешно идущий к своему шатру Урутлан приветствовал встречных, отвечал на приветствия, изредка останавливался, что-то спрашивал, сам отвечал на вопросы и продолжал путь. Встречая ближайших друзей он, словно невзначай, придерживал их за руку, перекидывался одной-двумя общими фразами, давал короткие указания и следовал дальше.

Его шатёр был недалеко от королевского, а племя, как главное и самое многочисленное, располагалось посредине стана, поэтому он не спешил к себе и нарочно прошёл дальше чем требовалось – к месту, где упражнялись воины. За время утренней прогулки Урутлан не заметил ничего подозрительного. Вернувшись в свой шатёр, он наскоро позавтракал, для вида прихватил два трофея кочевников, длинное копьё и увесистый каменный топор, уселся на площадке перед шатром и принялся увлечённо их рассматривать – по очереди брал в руки, взвешивал, вертел перед глазами, приближал, отдалял, прикладывал друг к другу, ощупывал пальцами острые края, а сам зорко посматривал по сторонам.

Он бессчётное количество раз осмотрел, сравнил, ощупал, погладил оба трофея, а картина стояночной жизни оставалась прежней. От нетерпения и неопределённости он начал испытывать топор в деле – размахивался и что есть силы вбивал лезвием в песок, тот глухо ухал и обсыпал его горстями песчинок.

Наконец вдали появилась первая группа воинов. Сидевший на корточках вождь резво вскочил, бросил топор на песок и стал смотреть в их сторону, ожидая, когда они подойдут.

– Первый отряд отправлен на дальний пост. Мы идём на средний, – приблизившись, отчитался старший.

– Займёшь, без промедления ступай на дальний, проверь, как там у них, но без обострений – что бы ни происходило, оружия не применяй, – приказал Урутлан.

За ними стали прибывать другие:

– Третий отряд в полной боевой готовности отведён к жертвеннику для дальнейших указаний.

– Четвёртый, пятый отряды направлены в условленные места, – кратко рапортовали старшие, получали указания и отправлялись их исполнять.

Недалеко от шатра вождя образовалась кучка молодых воинов, ещё не получивших права участвовать в сражениях, но уже прошедших начальное обучение и допущенных к испытаниям. Они подходили группами по два-три человека, останавливались, с любопытством прислушивались к беседующим и присоединялись. Когда их собралось больше трёх десятков, Урутлан решил действовать. Пошёл в шатёр, облачился как на сражение: повязал кожаную набедренную повязку, грудь и голову украсил особыми знаками вождя – нагрудником из толстой кожи буйвола и обручем из змеиной шкуры с длинными львиными клыками, взял боевую палицу и вышел.

– Воины! – обратился он к молодёжи. – Мы идём будить уснувший народ. Отнеситесь к нашему начинанию как к решающей битве. Представьте, что от вас зависит исход важнейшего в вашей жизни сражения. Поражение грозит вам и вашим потомкам бедствиями и мучительной смертью, а победа дарит великое будущее. Поддержите своего вождя, станьте ему надёжной опорой, и почувствуете сладость победы! Будьте уверены в себе, и увидите успех во всей его красоте – у вас вырастут крылья, а препятствия канут в небытие! Вы станете олицетворением могущества и познакомитесь с истинной судьбой своего народа!

Собравшиеся ответили одобрительным гулом – так наставники учили их отвечать на речи вождя и короля.

– Вперёд! Поднимем прилипший к циновкам народ, – увлекая за собой отряд, скомандовал Урутлан и пошёл по стану, периодически крича:

– Братья! Бог наказывает нас за бездеятельность: отбирает еду, посылает трудности, мучит голодом. Так ли плохо Он к нам относится?

Его ли вина в том, что у нас закончилась пища? «Нет!» – ответил Он на мои вопросы. Нам ли сомневаться в словах Бога? Вы сами были свидетелями Его благосклонности! За проявленную нами храбрость и бесстрашие Он предал в наши руки опасных врагов. Где плоды наших трудов? Где итог битвы с противником, пришедшим уничтожить наш народ? Вручая нам победу, Бог сказал: «Я дал вам способ. Отныне действуйте самостоятельно.» – И чем мы ему ответили? Ожиданием! Так мы и ждём, Он от нас – действий, мы от Него – знамений. Сколько можно испытывать Его терпение? Ведь оно не безгранично! Сегодня у нас великий и радостный день. Меня навестил Бог. Он сказал: «Урутлан! Пришло время сражений! Теперь у тебя нет права сидеть и смотреть, как умирают твои жена и дети! Ответственность за твой народ возлагаю на тебя. Встань и иди! Возьми свои земли.» Слышите? Всевышний велел мне: «Встань и иди!» Рмоагал во все века заботился о предках, воздавая им должное, и о потомках, воспитывая в них усердие и волю к победе. Ваше время пришло! Вставайте! Подтвердите право называться славным именем пращуров. Хватит вам спать, как спят слепые старухи, валяясь на дырявой циновке и переваливаясь с боку на бок!

Его громкий голос поднимал сидящих и лежащих, отрывал от дел работающих, а рассыпавшийся вокруг него отряд сопровождения бесцеремонно расталкивал зазевавшихся. Пройдя полсотни шагов, Урутлан повторял свой призыв:

– Братья! Отплывая в чужие края, мы бросили вызов всесильной стихии и победили. Пришло время решений: мы либо перемрём голодной смертью трусов, либо станем повелителями острова! Вставайте! Готовые властвовать – покажите свою волю! Примкнувший ко мне обретёт тучные земли и проведёт остаток жизни, вкушая обильные яства! Оставшийся иссохнет от голода и околеет! Его имя – Позор! Настал час увидеть достойных называться рмоагалами. Есть ли среди нас выбирающие презрение земли? – грозно спрашивал он у тех, кто оказывался рядом.

Через пять сотен шагов Урутлан остановился, выбрал десять человек из отряда сопровождения, наказал им следовать дальше с призывами от его имени, а сам с оставшимися повернул назад. Почти сразу он услышал:

– Братья! Бог сказал нашему вождю Урутлану: «Настал день торжества рмоагалов.» Бог благословил нас и велел идти к намеченной цели. Следуйте за вождём! Он приведёт народ к власти над островом…

«Славные ребята!» – подумал вождь и оглянулся, но группа уже скрылась за снующими между ними людьми, и только их отдаляющиеся голоса звучали, вселяя надежду на удачный исход затеянного им опасного дела. Урутлан умел рассчитывать. Зная о недовольстве народа, давно уже роптавшего на медлительность своих вождей, он задумал привлечь молодёжь. В молодых жилах течёт быстрая, активная, требующая действий, не терпящая неуверенности, не выносящая сомнений горячая кровь, готовая вскипеть при первом же призыве. Чувствительная, отзывчивая молодость способна стремглав броситься вперёд и иногда побеждает только благодаря безудержной стремительности – невзирая на опасность, игнорируя предосторожность, опровергая прогнозы. Клич Урутлана нашёл поддержку у сверстников – они примкнули к нему первыми, слились с отрядом сопровождения и повторяли призывы вместе со всеми, а на обратном пути их численность, против первоначальной, возросла втрое, подтверждая правильность выбора.

Новости в стане расходятся мгновенно. Вождь западного племени прослышал о действиях королевича, всполошился и созвал зависимых вождей на срочное совещание, а также известил короля и вождей остальных племён, потребовав от них собрать расширенный совет и решить, что делать с вышедшим из повиновения Урутланом.

Посыльный нашёл виновника суматохи у его шатра и передал приказ немедленно явиться на совет с ответом на вопрос: «Почто людей баламутишь? Кто дал тебе право называться повелителем народа?»

Урутлан не мог игнорировать вызов, наоборот – сам стремился встретиться с вождями и поскорее закончить начатое дело.

Место советов находилось за полсотни шагов от шатра короля. На обустроенной под открытым небом площадке были выложены образовывающие полукруг коротенькие грубо обработанные стволы деревьев, служащие скамейками для вождей и жрецов, напротив них стоял принесённый океаном большой, натёртый до блеска пень, на котором восседал король, а в центре размещался огороженный камнями очаг.

Чтобы прийти последним, Урутлан намеренно задержался. Прибыв на место, он окинул взглядом собравшихся, отметил, что обещанного расширенного совета нет – пришли только вожди и Старшая жрица со свитой, проследовал в середину полукруга и сел на скамейку рядом с недовольно косящимся на него вождём западного племени. Члены совета выжидающе молчали. Недалеко толпились заранее присланные для

предотвращения беспорядков воины Урутлана и личная стража отсутствующего по неизвестной причине короля. За ними топтался отряд легковооружённых воинов западного племени – их вождь также предпринял меры предосторожности, а может, о чём-то дознался и приготовился к поединку.

Не знающий о кончине Шуадаза совет с подозрением посматривал на пустующий пень. Король не позволял себе пренебрежительного отношения к гарантам своей власти и по общему требованию вождей являлся исправно. Не менее странно вела себя и стоящая у входа в шатёр королевская стража. Сегодня она не пустила к нему ни одного посетителя, а посыльным совета отвечали односложно: «Король извещён о произошедшем и прибудет на совет сразу же по завершению неотложных дел. Если он задержится, пусть вожди решают насущные вопросы самостоятельно. Король полностью полагается на их мудрость, прилежное отношение к законам предков и высочайшую ответственность перед народом», – Абрэмид надёжно оградил королевский шатёр от посторонних глаз и ушей, поручив охрану шуадазового покоя самым преданным, опытным, хорошо подготовленным воинам.

После прихода Урутлана и непродолжительного ожидания короля совет посовещался и решил приступать к обсуждению поведения королевича. Первой заговорила Старшая жрица, Билгуран. Она перечислила его прежние проступки, обвинила в неповиновении заветам предков, неучтивом поведении, пренебрежении к власти короля, недальновидности и, в заключении, сказала:

– Сегодня ты призывал народ идти вглубь острова. Думаешь, мы боимся покинуть берег? Так знай, как только наши ноги ступили на этот песок, король потребовал от нас не ждать Божьего слова, а принести благодарственные жертвы и направляться к великой столице. Его будто подменили! Я ни разу не видела короля таким нетерпеливым, мне стоило больших усилий отговорить его от ошибочного шага. Каждый день мы спрашиваем Бога позволения выйти, но Он молчит или отвечает: «Не торопись, время ещё не пришло.» Я говорила тебе много раз: не иди против гласа Всевышнего! Жди знамения! Терпение вознаградится Божьей благосклонностью, превосходящей любые задержки.

Урутлан встал ещё до окончания речи, всем телом повернулся к жрице, дождался, когда она закончит, и ответил:

– Отец также твердил это, но скажи мне, Билгуран: что произойдёт, если мы просидим здесь ещё пять, семь, десять дней? Уменьшатся в размерах стены славного Сулшуна или воины толтеков потеряют силу? Может быть, мы окрепнем либо увеличимся в количестве? Если Билгуран не знает – пусть спросит, я расскажу, ничего не утаю: мой народ переплыл большую воду, добрался сюда чуть живой, едва оклемался на приютившем нас островке и направился на завоевание новой родины, но, вместо идти и действовать, завяз на этом берегу, целыми днями валяется на циновках и опять голодает, а отсутствие пищи его очень удручает – без еды он ослабевает телом и падает духом. Ты ведь не думаешь, что я рассказываю о том, чего нет? Мои слова легко проверить. Пройдись по стану и увидишь бедствие. Вскоре не то, что с островом – со своими телами не совладаем.

– Тебе ли знать, что будет завтра? – гневно сверкнула на него Билгуран.

– Да, мне! – с вызовом ответил Урутлан. – Мне известно то, что приближается уже сегодня, и что произойдёт завтра. Если бы и ты получала верные сведения, я, может, спросил бы: «Известно ли тебе, Билгуран, что будет сегодня?» Но не спрошу – твой вопрос говорит за тебя: не знаешь! А я знаю! И всем скажу – слушайте! Сейчас вы присягнёте мне как королю народа рмоагалов, а затем разойдётесь, чтобы приготовиться к завтрашнему выступлению. Завтра мы покидаем берег!

– Да что ты такое говоришь?! – воскликнуло сразу несколько вождей. – Выступаешь против нашего короля и своего отца?

– Сейчас у нас нет короля! – огорошил их Урутлан. – Ночью он отошёл к предкам.

Поражённые новостью вожди повскакивали и стали растерянно переглядываться друг с другом, время от времени посматривая на пень, проверяя, не появился ли там случайно Шуадаз, и косясь на Урутлана, в ожидании, что будет дальше. Только жрецы сидели, не двигаясь с мест, словно истуканы.

Урутлан дал знак воинам, дождался, когда они подойдут и окружат совет, пересёк площадку, уселся на королевском пне и властно сказал:

– Постояли и хватит! Садитесь! Будете по одному вставать, подходить к своему королю и клясться в верности.

Однако его слова не подействовали. Онемевшие от неожиданного поворота событий вожди продолжали стоять, смотря то на него, то друг на друга. Сел только совладавший с собой вождь западного племени:

– Нет, Урутлан, не будет по-твоему! – твёрдо ответил он. – Я вижу, ты хорошо подготовился. Думаешь, мы устрашимся твоих воинов и побежим давать тебе слово верности? Считаешь, нам неведомы твои планы? Кто-то может блуждать в неведении, но мне и моим друзьям хорошо известно твоё намерение уничтожить вождей и подчинить себе наши племена, а начал ты со своего отца, уж больно он тебе мешал. Скажи нам, почему ты его прячешь? Может быть… – но он не успел договорить.

В несколько прыжков Урутлан оказался возле него, сгрёб в охапку, поднял, с размаху бросил оземь, перевернул на живот, схватил за голову, приподнял и резким движением мощных рук свернул шею. Глухо щёлкнули позвонки и грузное тело, не произнеся ни единого звука, обвисло, повалилось набок, сотряслось волнами судорог и безжизненно замерло, вперившись застывшим взглядом в песок. Оставшаяся в стороне группа верных Урутлану воинов бросились к растерявшимся ратникам поверженного вождя, взяла в кольцо и стала оттеснять от места советов. Урутлан чувствовал себя хозяином положения. Онемевшие от страха вожди расценили расправу над сотоварищем как наглядную демонстрацию собственной участи, ожидающей их в случае неповиновения, попадали на скамьи и во все глаза таращась на покойника, несколько мгновений назад казавшемся им самым могущественным из здесь присутствующих.

Застывший над бездыханным соперником, готовый к следующему прыжку Урутлан смотрел на вождей, выжидая выступления очередного несогласного, не дождался и, не разгибаясь, как хищный зверь, пошёл вдоль полукруга, пристально заглядывая каждому в глаза. О решительности намерений королевича говорило лежащее на песке тело, и ни один из живых не желал составить ему компанию. Вожди сидели, не шевелясь, плотно сжав побелевшие от ужаса губы – они почувствовали холодное дуновение смерти и не хотели, чтобы их приговором стал случайно оброненный ими звук или невольный жест.

– Кто следующий? – спросил Урутлан приглушенным голосом, напоминающим тихое, предупреждающее рычание львицы, защищающей логово и детёныша.

Совет безмолвствовал. Урутлан ещё раз окинул взглядом вождей, подошёл к королевскому пню и торжественно сказал:

– Итак, мы пришли к согласию. Настал день, когда Бог послал рмоагалам будущее. Вожди проявили сознательность, прислушавшись

к моим увещаниям. А теперь внимайте голосу народа и запоминайте! Каждый, противящийся судьбе народа, ищет своей смерти! Каждый, противящийся походу на столицу острова, ищет своей смерти! Каждого, дерзнувшего чинить препятствия выступлению, ждёт неминуемая смерть! Вожди! Присягайте своему королю! Клянитесь служить своему народу и своему королю! Клянитесь исполнять все его приказы! Восставший против своего короля восстаёт против своего народа, а восставшему против народа нет места среди живых и нет места в памяти потомков!

Закончив речь, он сел на королевский пень и стал ждать. Зажатые в тиски плотным кольцом воинов вожди выбирали: присоединиться к живому либо лечь рядом с мёртвым. Неподвижно лежащий мёртвый восторга не вызывал. От живого исходила уверенность в своих силах и угроза неповиновению. Жить хотели все. Огорошенные быстротой произошедшего вожди один за другим потянулись к Урутлану, по очереди ставали напротив него, склоняли головы, произносили слова клятвы и возвращались обратно.

Старшая жрица и её свита сидели с каменными лицами и казались безучастными наблюдателями. За всё это время они не проронили ни слова. Никто из присутствующих не обращал на них внимания, каждого интересовала только собственная участь.

Когда вожди присягнули, вновь избранный король дал им первое указание:

– А сейчас идите и поднимайте свои племена. Сегодня у нас день прощания с королём Шуадазом и подготовка к походу. Завтра – в путь!

Совет молча встал и тихо разошёлся по племенам. С этого дня у них, у всего народа, начиналась новая жизнь.

Разбежавшиеся по лагерю глашатаи выкрикивали волю нового короля. Поднялась суматоха. Народ повалил к шатру Шуадаза, чтобы отдать дань памяти и проводить в последний путь ушедшего к предкам. Вскоре облачённый в королевские одежды и регалии, обсыпанный цветами покойник лежал у своего последнего дома на застланном циновкой высоком траурном ложе. Вокруг него, усевшись прямо на песок, выло и рыдало двенадцать простоволосых плакальщиц, по их чёрным телам сочились тоненькие тёмные струйки крови, разбавленной потоками слёз, обильно стекающих с испачканных лиц. Время от времени они посыпали голову пеплом и с остервенением царапали ногтями грудь и